

фрагменты прошлого: о судьбе поэта Павла Васильева

Он погиб в 27 лет, так и не реализовав полностью свой большой поэтический дар. Погиб столь же бесстрашно, как и жил

«Я вглядываюсь в мир без страха...»

Алла ЛАММ

В НЕБОЛЬШОЙ уютной комнате смотрит на меня с портрета на стене живое и необыкновенно привлекательное лицо юноши. Свободный поворот головы. Густые кудрявые русые волосы с золотистой прядью над высоким лбом. Круто изогнутые брови подчеркивают быстрый, озорной взгляд зеленых глаз. Полные губы согреты улыбкой, доброй и открытой. Воротник расшитой крестиком рубашки разметался на шею. Это трагически погибший яркий, самобытный советский поэт Павел Васильев.

— О нем можно сказать его же словами: «Я вглядываюсь в мир без страха...». Таким я его впервые увидела в мае 1932 года, — рассказывает жена поэта Е. А. Вялова-Васильева. — Работала я тогда в издательстве «Советская литература», бывшей «Федерации». Издательство находилось на Тверском бульваре, 35. Знаете, это был «Дом Герцена», сейчас Литературный институт. Я работала секретарем общего отдела. В тот день мне пришлось задержаться, какую-то рукопись необходимо было вычитать. Неожиданно распахиваются двери — влетает высокий молодой человек, устремляется в кабинет редактора. «Там никого нет», — говорю я ему. Неудовлетворенный ответом, он метнулся было в другую дверь, а потом так же стремительно побегал к выходу.

А познакомились мы с Павлом у Ивана Михайловича Гронского, бывшего в те годы главным редактором «Известий», в Доме на набережной. Меня пригласили послушать стихи «одного очень интересного поэта». Признаться, я пошла не очень охотно. Немало было тогда серых и скучных литераторов. Но когда я вошла в столовую, сразу узнала молодого человека, столь недавно мелькнувшего передо мной в издательстве. Взявшись за спинку стула, свободно откинувшись, он читал. То была «Повесть о гибели казачьего войска». Читал он исключительно страстно. Я была заворожена его чистым, звонким голосом, который и до сих пор звучит у меня в ушах:

Что же ты, песня моя,

Молчишь?

Что же ты, сказка моя,

Молчишь?

Натянутые струны твои —

Памыш.

Натянутые волны твои —

Иртыш..

Впоследствии В. И. Качалов сказал: «Вот у кого учиться надо читать стихи!».

Павел Николаевич оказался на редкость веселым и остроумным рассказчиком. Стали встречаться. Поженились. Я очень любила Павла. И он с нежностью относился ко мне. Елка, Елена, Аленушка — так он ко мне обращался. И ведь прожили всего-то пять лет... Но годы эти были насыщены путешествиями, встречами, стихами.

В 1934 году уехали вместе в Сибирь. Тогда и возникла у Павла мысль написать о новом, индустриальном Павлодаре, где широко развернулось социалистическое строительство. Поэма была закончена в 1936 году под названием «Христолюбовские ситцы». О ней тепло отзывался Борис Пастернак, очень ценивший молодого поэта.

Елена Александровна протягивает мне листок (подлинник находится в архиве секретариата правления Союза писателей СССР):

«В начале 30-х годов Павел Васильев производил на меня впечатление приблизительно того же порядка, как в свое время раньше, при первом знакомстве с ними, Есенин и Маяковский.

Он был сравним с ними, в особенности с Есениным, творческой выразительностью и силой своего дара и безмерно много обещал, потому что, в отличие от трагической взвинченности, внутренне укоротившей жизнь последних, с холодным спокойствием владел и распоряжался своими бурными задатками. У него было то яркое, стремительное и счастливое воображение, без которого не бывает большой поэзии и примеров которого, в такой мере, я уже больше не встречал ни у кого за все истекшие после его смерти годы.

Помимо негативных его вещей («Соляной бунт» и отдельные его стихотворения), вероятно, интерес и цену должно представлять все то, что от него осталось. 16 октября 1956 года. Б. Пастернак».

Осталось гораздо меньше, чем Павел Васильев написал... Сколько дивных стихов было написано в 1927—1928 годах! Почти все они были Павлом утеряны или уничтожены.

В Москву Павел Васильев приехал в 1928 году. Литературная Москва заговорила о молодом поэте. Сотрудничая во всех столичных газетах и журналах, он одновременно учился в художественном училище имени В. Брюсова на литературном отделении. Павел быстро и много работал. Турксиб, индустриализация родного Павлодара — ничто не оставляло его равнодушным.

— Что меня больше всего привлекало в облике Павла? Удалое, жажда жизни. Умница, интересный, всесторонне развитый человек, он хорошо знал литературу, историю, философию. Помнится, однажды с писателем Алексеем Толстым говорили они о Гегеле. Из разговора я поняла, что Павел взял верх, а ведь было ему всего 22 года.

Мы бывали в разных домах. Особенно часто у Гронских. В этом гостеприимном доме всегда было шумно, весело, дружно. Собирались художники — Радимов, Бродский, Кацман, писатели — Алексей Толстой, Шолохов, певцы — Козловский, Нежданова, Жадан, дирижер Голованов и балерина Викторина Кригер, летчик Чухновский, спасавший экспедицию Нобиле. Иногда бывало по 40—50 человек. Чувствовали себя легко и свободно. Пели, играли на пианино, рассказывали всевозможные истории, читали стихи. Бывали и старейшие литераторы — Андрей Белый и Сергей Городецкий. Завсегдатаями дома были и политические деятели — А. И. Микоян, В. В. Куйбышев,

А. И. Стецкий. Многим из них Павел посвящал свои стихи.

Совсем не так складывались его взаимоотношения с литературной братией. Ведь в те годы шла упорная борьба между группировками...

Друзьями Павла были Асеев, Кирсанов. Очень дружил он с Петром Орешниковым и особенно с Сергеем Клычковым. Им обоим доставалось как поэтам «скачкового направления». Помню стихи, посвященные Клычкову:

Мы с тобой за все неправды биты.

Наши шубы стали знамениты.

По Москве гуляли до зари.

Все же мы с тобой, Сергей, пииты.

Мы пииты, что ни говори.

О Васильеве ходили разные слухи. Его обвиняли в пьянстве, бытовом хулиганстве, симпатиях реакционному кулачеству. В статье «Литературные забавы», опубликованной в «Литературной газете», Алексей Максимович Горький, в числе прочих, резко обрушивается на Васильева. Поэт пишет ему ответное письмо, признавая свои ошибки, но в то же время заверяет великого писателя, что он не фашист и не враг народа.

Горький, в свою очередь, пишет ответ Васильеву: «Я не стал бы отвечать Вам, Павел Васильев, если б не думал, что Вы писали искренно и уверенно о силе Вашей воли. Если этой воли хватит Вам для того, чтоб Вы серьезно отнеслись к недовольному дарованию Вашему, которое, как недостатки, требует внимательного воспитания, если это сбудется, тогда Вы, наверное, войдете в советскую литературу как большой и своеобразный поэт.

О поведении Вашем говорили так громко, писали мне так часто, что я должен был упомянуть о Вас в числе прочих.

Мой долг старого литератора, всецело преданного великому делу пролетариата, охранять литературу Советов от засорения фокусниками слова, хулиганами, халтурщиками и вообще паразитами. Это не очень легкая и очень неприятная работа. Особенно неприятна она тем, что как только дружески скажешь о ком-либо неласковое или резкое слово, то тотчас же на этого человека со всех сторон начинают орать люди, которые не лучше, а чаще хуже. Так было в случае с Панферовым: немедленно после моего мнения о небрежности его работы на Панферова закричали, залаяли даже те люди, которые еще накануне хвалили его. Этих двоедушных, беспринципных паразитов пролетариата нужно ненавидеть, обличать, обнажать их гнусенькое лицемерие, изгонять из литературы так же, как всякого, кто так или иначе компрометирует советскую литературу, внося в нее всякую дрянь и грязь».

Васильев очень тяжело переживал травлю. Последний год Павел был молчалив, удручен. Состояние у него было подавлен-

Павел Васильев с женой Еленой Александровной. Снимок 1933 года.

ное. Когда в 1936 году в Омске они с Еленой остановились у его родителей, то, расставаясь, он сказал: «Не знаю, придется ли еще увидаться...». Интуиция подсказывала ему, что назревало неминуемое.

— 6 февраля 1937 года. Последний день, когда я была вместе с Павлом Васильевым, — вспоминает Елена Александровна. — Накануне мы ночевали у наших хороших старых друзей Касаткиных. Утром вместе с Виктором, сыном Касаткиных, Павел пошел в парикмахерскую на Арбат. После мальчик рассказал, как они вышли из парикмахерской и к Павлу подошли двое, взяли под руки, буквально захихнули в стоявшую рядом машину и увезли.

Поздно ночью ко мне пришли с обыском. Перерыли все столы, тумбочки, шкафы, полки. Забрали со стола незаконченные рукописи, книги, журналы, фотографии, письма и ушли. И вот начались мои бесконечные хождения по соответствующим учреждениям, прокуратурам. Везде наглые, улыбающиеся лица, ложные сведения, оскорбления. Кто-то мне посоветовал поехать по тюрьмам, попробовать передать передачу. Так, через четыре месяца я нашла его в Лефортовской тюрьме, где у меня приняли для него 50 рублей. Это было 15 июня 1937 года. Сказали, что следующую передачу можно принести 16 июля. Но когда я приехала 16-го, дежурный сказал мне, что заключенный был вчера, куда — неизвестно. Я сразу же поехала на Кузнецкий мост, 24, где находилась прокуратура, дающая сведения о тех, для кого уже закончилось следствие. Там мне ответили: десять лет дальних лагерей без права переписки. Много позже я узнала, что это был шифр расстрела. Таким образом, 15 июля 1937 года был день гибели Павла Васильева, что подтверждено некоторыми документами и справкой Военной коллегии Верховного суда СССР, куда я посылала запрос.

7 февраля 1938 года арестовали и меня, как жену изменника Родины. Несколько дней продержали в НКВД, а потом перевели в Бутырскую тюрьму. В кабинете следователя меня заставили раздеться догола, искали какие-то приметы. Потом перевели в камеру. Обращались с нами издевательски. На допросах в чем только не обвиняли Васильева — и в измене Родины, и в покушении на Сталина, будто я знала об этом и не донесла.

На один мой резкий ответ следователь вскочил из-за стола и с размаху ударил меня рукояткой нагана по лицу, выбив мне три зуба, а я схватила со стола граненую чернильницу и запустила в него, но с сожалением, попала только в грудь. Он тотчас нажал звонок, и меня отвели в карцер. А карцер — это коридор, четыре шага в длину и полтора в ширину. На ночь опускалась койка, как в вагончике, днем поднималась. Посредине круглый табуретик, привинченный к полу, и никакой щелочки, куда мог бы проникнуть чистый воздух, и

только днем и ночью горячая, ослепляющая лампа. В карцере я просидела целый месяц. Потом этап. Сначала Темниковские лагеря — это Мордовия, потом Сегежа — большой лагерь между Ленинградом и Мурманском.

Когда началась война и северные лагеря срочно эвакуировали, наш этап привезли в Караганду на станцию Карабас. Направили меня в овцеводческий участок, где мы пасли и сторожили овец, принимали окот и за малышами ходили, как за своими детьми, отдавая им всю свою нежность. Между собой мы жили очень дружно, связанные одним горем. Срок у меня был пять лет, но когда он подошел к концу, я была оставлена в лагере сначала до окончания войны, а потом до особого распоряжения, которое было вынесено после смерти Сталина. Я была объявлена вольнонаемной, и мне был разрешен выезд из Караганды. В 1956 году, после 19-летнего отсутствия (тюрьма, лагерь, ссылка), я вернулась в Москву.

Сразу же по приезде я начала хлопотать о посмертной гражданской и литературной реабилитации Павла. В этом мне помог Иван Михайлович Гронский, бывший редактор «Известий» и журнала «Новый мир», первый председатель оргкомитета Союза советских писателей. Он был мужем моей сестры, как и многие другие прошел тюрьму, лагерь, ссылку.

Прошло всего несколько дней, как были посланы мое и Гронского письмо с просьбой о реабилитации, как мне позвонили из отдела печати при ЦК и предложили в Гослитиздате заключить договор на сборник произведений Васильева.

В то время я много работала в ЦГАЛИ, библиотеке имени В. И. Ленина, во многих архивах различных журналов, разыскивала старых друзей, у кого могло сохраниться что-либо из литературного наследия Павла. Материала собралось много. Нашлись поэмы «Песня о гибели казачьего войска» и «Христолюбовские ситцы». Ее машинописный вариант подарил Г. А. Санников, а ведь сохранить ее в те времена было делом немалого мужества.

Наконец, 2 июля 1956 года Павла Васильева восстановили в Союзе писателей СССР. В Гослитиздате, когда я пришла договориться о периздании Павла Васильева, мне предложили в качестве составителя П. Вячеслава, моего старого знакомого еще до ареста. У него оказалось много напечатанных произведений Павла. В те страшные 30-е годы, когда произведения репрессированных были изъяты из всех библиотек, у него был свободный доступ в макулатурный отдел Ленинской библиотеки. Он приходил туда, разыскивал газеты и журналы со стихами Васильева, вырывал их и уносил домой. Но так как держать дома подобную литературу было опасно, он увозил все это к матери в деревню и хранил все найденное в железной банке в земле. Мы вместе стали работать над составлением сборника, который вышел в свет в начале 1957 года.

И еще с одним документом знакомит меня Елена Александровна. Как ни тяжел он, хочется его привести, чтобы живее показать облик этого мужественного, кристально честного человека.

Не так давно к Е. А. Вяловой-Васильевой пришел человек, страстно влюбленный в поэзию Павла Васильева. Назвался врачом-психиатром Буяновым. Вот его рассказ, присланный в письме:

«В июне 1964 года я летел из Новосибирска в Омск. Сидел со мной рядом пассажир средних лет. Заметив, с каким вниманием я читаю синенький томик стихов Павла Васильева, обратился ко мне с расспросами, имею ли я к этому поэту какое-либо отношение, родственное, профессиональное или просто дружеское. Я, естественно, ответил отрицательно. Попутчик замолчал, но через некоторое время, ни к кому не обращаясь, сказал: «Мой отец сидел в одной камере с Павлом Васильевым летом 1937 года в одной из московских тюрем. Отца реабилитировали после двадцатилетней каторги. Его выпустили из тюрьмы совершенно искалеченным, больным и нравственно изуродованным. Он умер летом 1958 года, недолго прожив на свободе. В тюрьмах, лагерях он встречал массу выдающихся людей, имена которых наши потомки будут произносить с благоговением. Среди этих людей был и этот поэт. Отец рассказывал мне о встрече с ним, которая произошла при следующих обстоятельствах.

Однажды под вечер к ним в камеру толкнули молодого окровавленного мужчину. Он не держался на ногах. Он стоял. Его подхватили, дали воды. Заключенный открыл опухшие глаза и, увидев, с каким состраданием смотрят на него эти измученные люди, сказал: «Я не подписал... чуть не убили... выйдете на волю... отомстите...».

Утром этого человека уволокли на следующий допрос. Больше мы его не видели. Через несколько дней моего отца вызвали к следователю. Следователь бил его рукояткой револьвера по лицу и кричал: «Я тебя заставлю подписать! Мы из тебя сделаем то же самое, что из этого поэтишки! Его расстреляли и тебя расстреляем!». Отец ничего не подписал. Через несколько дней он узнал, что был этот избитый заключенный. То был поэт Павел Васильев. По слухам, он или умер во время допроса, или был полуживой расстрелян».

Так восстанавливается по крупницам эта удивительная жизнь.

5 января исполнилось 80 лет со дня рождения Павла Васильева. К юбилейной дате в Ленинграде выходит сборник его произведений в большой серии «Библиотека поэта». Алма-Атинская киностудия готовит фильм о жизни поэта. В Павлодаре, где прошли его детство и юность, ежегодно устраиваются Васильевские чтения. Его именем названы улица, литобьединение, городская библиотека. В домике, где прошло его детство, открылся мемориальный музей. В том самом домике с двумя комнатами, где они с женой побывали на заре своей юности.

Есть у поэта Васильева стихотворение «Сердце», в котором он глубоко и мудро рассуждает о вечных истинах, о чести:

Я вглядываюсь в мир без страха,

Недаром в нем растут цветы,

Готовое пойти на плаху,

О кисти черные с размаху

Бьет сердца — пленник темноты.

Поэзия Павла Васильева была столь же бесстрашна, как и его горячее сердце.